

«...Оторвать белорусов от востока»

Варшава и белорусский вопрос в XX веке

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
журналист

Белорусский вопрос во II Речи Посполитой, как часто называют возродившуюся в 1918 году Польшу, возник под громкие заявления польских политиков о том, что в реальности такого вопроса не существует, хотя сами «польские роды» тоже были сложными. Поначалу поляков пытались облагодетельствовать германский, австро-венгерский и российский монархи. Однако после окончания Первой мировой войны к реализации был принят четвертый план, сформулированный президентом США Вудро Вильсоном: государство поляков должно быть воссоздано на сугубо этнических принципах и на территориях, на которых «преобладание польского населения было бы бесспорным».

В связи с этим требованием Версальская конференция, подводившая итоги той войны, направляла делегатов на земли развалившихся трех империй, Российской, Германской и Австро-Венгерской, чтобы установить, в каких именно местностях преобладают поляки. Так и определили восточную границу их преимущественного обитания. В основном она совпадала с нынешней границей между Беларусью и Польшей, правда, на некоторых отрезках проходила еще западнее.

Но был и собственно польский план. Он предусматривал восстановление Польши в границах Речи Посполитой до ее первого раздела в 1772 году, то есть Речи Посполитой Общих Народов, хотя та Речь была федеративным государством, состоявшим из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, каждое из которых имело свое правительство, законодательство, бюджет, войско.

II Речь Посполитая начиналась с того, что в ноябре 1916 года Австро-Венгрия и Германия, оккупировав польские земли, входившие ранее в состав России, провозгласили самостоятельность Польши без указания ее границ. В то время по Европе даже ходила шутка, что Польша является самым большим государством в мире, так как никто не знает, где ее рубежи. Воссоздаваемое государство называлось (Регентское) Королевство Польское. Реальная власть в нем принадлежала германскому генерал-губернатору Гансу Гартвику фон Безелеру. После капитуляции Германии в ноябре 1918 года Регентский совет передал все полномочия организатору польских легионов в составе австро-венгерской армии Ю. Пилсудскому, а сам он был назван временным «начальником» государства, Комендантом.

Уже 16 ноября 1918 года Пилсудский уведомил международное сообщество о создании независимой Речи Посполитой. Правда, «забыл» о России. О том, что новая власть в Варшаве не собирается разговаривать с новой властью в Петрограде, засвидетельствовал и расстрел поляками 2 января 1919 года миссии русского Красного Креста, которую не спасло даже то, что ее возглавлял поляк Бронислав Веселовский.

К концу Первой мировой войны германско-российская линия размежевания проходила по рубежу Полоцк – Орша – Могилев. Но в ноябре 1918 года в Германии то-

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета (1972) и Минскую высшую партийную школу (1979). Работу в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете «Чырвоная звызда». Был на партийной работе в Ивановском райкоме КПБ, Брестском обкоме КПБ, ЦК КПБ.

С 1988 по 2002 год – генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009 годах – главный редактор издательства «Беларусь».

же случилась революция, и немецкие войска стали возвращаться домой. Оставляемые ими территории занимали советские части. В Минск они вступили 10 декабря 1918 года, в начале января 1919 года – в Мозырь, Гомель, Слоним, 24 января – в Пинск. 28 января советская власть пришла в Гродно. Но еще 30 декабря 1918 года Варшава заявила Москве, что наступление Красной армии в Литве и Беларуси является агрессивным актом в отношении Польши, поэтому «польское правительство будет готовиться к защите территорий, заселенных польской нацией». Москва ответила, что ее войска нигде не вступили на территорию, которая могла быть «рассматриваема как принадлежащая Польской Республике». К тому времени уже была провозглашена независимая Литва, затем Литовская ССР, всего два дня оставалось до провозглашения БССР. Еще в марте 1918 года – в условиях германской оккупации – заявило о себе руководство БНР.

В двухтомнике «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», изданном в 1964 году в Москве, содержатся не только эти ноты, но и многие другие документы, явно свидетельствующие, что появление новых государственных образований к востоку от Польши не смутило Пилсудского. Польская армия 9 февраля 1919 года заняла Брест, 2 марта – Слоним, 5 марта – Пинск. К 15 марта советско-польский фронт проходил уже по линии Лида – Барановичи – Лунинец. На политическом фронте Варшава продолжала хранить абсолютное молчание, считая, что любые переговоры с большевиками свидетельствовали бы о признании советского правительства. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин 10 февраля 1919 года направил в Варшаву руководителю МИД Польши И. Падеревскому специальную ноту с предложением установить нормальные отношения и урегулировать спорные моменты мирным путем. Он обращал внимание польского коллеги на то, что некоторые вопросы, в частности «те, которые относятся к территориальным соглашениям, должны будут разрешаться путем переговоров с правительствами советских республик Литвы и Белоруссии, которых они касаются непосредственно». Польское руководство скрыло ноту, а когда ее опубликовала газета «Пшелом» и поста-

вила вопрос, почему нота утаена, тираж был конфискован, издание закрыто.

Шесть дней спустя в Варшаву была направлена нота Временного революционного правительства Советской Литвы и Центрального Исполнительного Комитета БССР. В ней тоже содержался протест против «попытки со стороны Польской республики насильственным путем разрешить территориальные споры». Она также не была доведена до сведения польской общественности. Правительство в Варшаве продолжало действовать так, словно ни-

Колонна советских военнопленных в Польше. Начало 1920-х годов

какой власти ни в Минске, ни в Вильнюсе не существует. Польские дивизии к тому времени оккупировали Волковыск и Западное Полесье. О доминировавших тогда в Польше настроениях красноречиво говорилось в датированном 11 апреля 1919 года донесении американского представителя при миссии государств Антанты в Польше генерал-майора Дж. Кернана президенту США В. Вильсону: «Хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив... стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и об их намерении как можно скорее занять русские земли и продвигаться насколько можно дальше... Этот военный дух является для будущего Польши большей опасностью, чем большевизм...». Вскоре польская армия развернула наступление на три столицы – Вильнюс, Киев, Минск – и оккупировала их. На белорусской

территории были заняты Борисов, Молодечно, Бобруйск, Калинковичи, Мозырь. 1 июня 1920 года польские части стояли у Речицы. В районе Дрисы (теперь Верхнедвинск) они вышли на Западную Двину, всего ничего оставалось до Полоцка.

Немецкий дипломат Герберт фон Дирксен, в те годы возглавлявший германскую миссию в Польше, в своих мемуарах написал, что нападение на восточных соседей было абсолютно немотивированным. В резких выражениях отзывался о «польском империализме» британский премьер Ллойд Джордж. Лорд Керзон советовал Польше «удерживать свои притязания в разумных пределах, не стремясь поглотить народности, не имеющие с Польшей племенного родства и могущие быть лишь источником ее слабости и распада».

Однако в самой Польше активно обосновывались претензии на все земли первой Речи Посполитой. Заглавную роль в этих усилиях играл видный идеолог польского национализма Роман Дмовский, который потом некоторое время был министром иностранных дел. Основным был следующий постулат: «Между сильной немецкой нацией и русской нацией нет места небольшой нации, мы должны стремиться к тому, чтобы стать нацией большей, чем мы являемся». Дмовский убеждал европейских политиков в том, что возрожденная Польша по территории должна быть больше Германии и Франции вместе взятых и играть ведущую роль на континенте. Квинтэссенцией его подхода являлось убеждение в цивилизационном превосходстве поляков над всеми теми, кто живет к востоку от Буга. В Памятной записке о территории польского государства, переданной министру иностранных дел Бальфуру в Лондоне в конце марта 1917 года, он убеждает Бальфура, что «восточные славяне, которые позже получили имя русинов и россиян», мало на что способны в государственном плане, ибо «изначально (киевский период) политическую организацию получили от скандинавов». Дмовскому было «не до головы», что сами скандинавы в то время государственности еще не имели, что шведское, норвежское и датское королевства появились лишь на исходе X – начале XI века, о чем свидетельствует любая энциклопедия.

Дмовский оставлял за пределами внимания то, что Русь в XI–XII веках была более

высококультурным государством, нежели страны Западной Европы, а входившие в ее состав земли теперешней Беларуси не являлись исключением из общего правила. Авторитет русских княжеств, в том числе Полоцкого и Туровского, был весьма высок. Во Франции до сих пор почитаема как просветительница дочь Ярослава Мудрого Анна, вышедшая замуж за французского короля Генриха I. По поводу этого замужества американский историк Р. Мессис писал, что «от киевской княжны требовалась определенная жертва, чтобы покинуть родной город, находившийся тогда в расцвете своей цивилизации, и выйти замуж за представителя более грубой и примитивной французской культуры... Анна умела читать и писать и подписала свое имя под брачным документом, в то время как ее жених мог только нацарапать крестик».

Можно утверждать, что земли нынешней Беларуси были наиболее развитыми в древнерусском государстве, поскольку находились на скрещении многих путей. Г.М. Филист в книге «Введение христианства на Руси», изданной в Минске в 1988 году, отмечал: «В X веке, благодаря многочисленным судоходным рекам, развитому земледелию и ремеслу край являлся своеобразным центром торговли всей Киевской Руси. Здесь проходили основные торговые пути из Новгорода в Киев и с Запада на Восток. Об этом свидетельствуют многочисленные находки римских, германских, восточных кладов. С развитой торговлей были непосредственно связаны успехи материальной и духовной культуры». Не надо забывать и о том, что большинство белорусских городов имеет многовековую историю. Бресту, Пинску, Новогрудку, Волковыску, Лиде, Минску, Орше, Борисову, Гродно, Гомелю и другим скоро «стукнет» по тысяче лет. А Полоцк, Витебск давно переступили этот рубеж. Наберется ли такой список в Польше, Швеции, Норвегии?

Но Дмовскому надо было доказать, что в отрыве от поляков говорить о какой-либо цивилизованности на наших землях просто невозможно, потому и рисовал собственные картины. На его взгляд, повезло только Западной Руси, поскольку она, «захваченная литовскими князьями, после унии Литвы с Польшей была постепенно включена в польское государство и таким образом попала под

сильное западное влияние. Значительная часть ее населения, в том числе вся шляхта, приняла от Польши ее религию (римско-католическую), ее язык, ее обычаи и понятия...». В той самой Памятной записке в разделе «Польская проблема» Роман Дмовский уточняет, что «на всей той территории польская цивилизация до сих пор имеет преимущество, а польское меньшинство, многочисленное или нет, представляет там богатство, культуру и прогресс». Он убеждает Бальфура, что этнографический принцип при возрождении польского государства не может быть применим. Тех же литовцев слишком мало, чтобы они могли создать свое государство, потому будущее литовского народа может быть обеспечено только включением в состав польского, утверждал Дмовский, правда, не смог умолчать, что сами литовцы не горят желанием стать подданными Польши, что существует серьезный антагонизм между литовцами и поляками. Что касается белорусов, то этот деревенский народ, по его убеждению, вообще «находится на очень низком уровне просвещения и не высказывает сформулированных национальных устремлений».

8 октября 1918 года специальный Мемориал о территории польского государства Р. Дмовский представил и президенту США В. Вильсону. В нем Виленщина, Ковенщина, Гродненщина, Минщина, Витебщина, Могилевщина названы «давними территориями польского государства». Автор мемориала настаивал, что единственной интеллектуальной и экономической силой на тех землях являются поляки. «Русское (украинское), белорусское, литовское большинство», по словам Дмовского, состоит «почти исключительно из мелких крестьян и духовенства», «белорусы представляют элемент расово абсолютно инертный. Нет среди них никакого национального движения, а также даже начал белорусской литературы». А ведь к тому времени в полный голос заявили о себе Франтишек Богушевич, Дунин-Марцинкевич, Максим Богданович, Янка Купала и Якуб Колас, Алоиза Пашкевич (Тётка), Алесь Гарун. Дмовский и Вильсону «пояснил», какие земли нужно включить в состав Польши: Виленщина вместе с Вильно, Гродненская губерния, в которую в то время входила и нынешняя Брестчина, Минская губерния вместе с Минском, Слуцком, Пинском и другими городами.

Не менее любопытна и служебная записка начальника политического отдела департамента восточных земель М. Свеховского об основах польской политики на литовско-белорусских землях, датированная 31 июля 1919 года. Пан Свеховский к основным принципам польской политики на востоке отнес следующее:

«1. Защита, и притом самая надежная, от России, а следовательно, перенос границ с ней как можно дальше от центра Польши.

2. Создание условий для свободного и гарантированного самостоятельного национального развития польского населения на восточных землях...

3. Сохранение вообще в сфере польского влияния всех тех земель, которые ощущали это влияние в период своего исторического развития». В том, что касалось бывшего ВКЛ, «мы должны будем констатировать... необходимость отрыва всех земель б. Великого Княжества Литовского от России...».

О белорусах вновь пренебрежительно сказано, что они «представляют собой наиболее неопределенный элемент...», а требования независимости и неделимости белорусских территорий, которые были сформулированы белорусскими политическими деятелями, названы «скорее теоретическими», и вообще «белорусский вопрос тесно связан с развитием наших военных действий на востоке и зависит от того, как далеко могут продвинуться наши войска». Автор этой записки тоже убежден, что «Виленская и Гродненская губернии должны быть оставлены исключительно в сфере польского влияния, и белорусское движение на этих территориях... поддерживать не следует».

Не дремали и поляки, проживавшие на белорусских землях. Они создали национальные советы, поставившие перед собой задачу подчинить эти земли Польше. Их делегаты были посланы на Версальскую мирную конференцию. В «Документах и материалах по истории советско-польских отношений» содержится протокол заседания Польского национального комитета в Париже от 2 марта 1919 года. Вот что говорил граф А. Лубеньский – крупный польский помещик в Беларуси: «Мысль о присоединении к Польше и полном отрыве от России является общераспространенным стремле-

нием и одной из кардинальных задач местного населения (польского. – *Прим. авт.*). Наша... линия идет вдоль реки Двины, на определенном расстоянии от нее, сворачивает за Витебском к югу, направляется к реке Сож и соединяется с Припятью. Пространство между этими двумя реками представляет собой открытые ворота в Польшу, оно всегда было местом борьбы между Россией и Польшей... За ней расположены самые значительные железнодорожные узлы, а именно Витебск, Орша, Жлобин, Гомель, т.е. вся коммуникационная железнодорожная сеть, которая представляет собой основу безопасности Польши. Кроме того, за этой сетью железных дорог располагаются все водные пути; здесь находится канал между Березиной и Двиной... здесь протекает Припять с протоками... Эта часть страны (Бобруйск, Пинск и т.д.)... представляет собой ценный лесной массив...».

Другой участник этого заседания географ Суйковский признает, что «польское влияние в этих землях в определенной степени является скрытым», что «большая часть населения имеет явно выраженные белорусские черты даже тогда, когда оно католическое... Эти земли необходимы нам для расширения наших владений, но об этом мы не можем заявить на конгрессе». Потому он ставит вопрос двояко: что можно выторговать и что «защитить в случае войны». Суйковский осознает зыбкость польских желаний, потому заявляет, что «осуществление программы присоединения Литвы к Польше – путем ли инкорпорации или образования федерации – мы будем вынуждены провести при помощи польских штыков». Касаясь волеизъявления литовского и белорусского народов, он говорит вполне недвусмысленно: «Надо быть чрезвычайно осторожным при организации выборов, так как выборы... могут дать просто смешотворные результаты... если их внезапно попытаться провести там на демократической основе...».

Согласно разработанному МИД Речи Посполитой проекту предварительных условий мирных переговоров с советским правительством, Советская Россия должна была вывести свои войска со всей «территории Польской республики в границах, существовавших до первого раздела 1772 года», и возместить Польше весь ущерб, который,

по мнению польской стороны, был нанесен их государству со времени того раздела. Притом «линия 1772 года» – это «МИНИМАЛЬНЫЙ вариант требований Польши». Такой аппетит вызвал непонимание в западных странах, которые отнюдь не с симпатией относились к Советам. Как доносил из Лондона польский посланник Е. Сапега, «условия мира, выдвинутые Польшей, английское правительство считает безумием... Главное препятствие лежит в опасении англичан, что Россия, вернувшись к нормальным условиям, сразу же будет стремиться вернуть западные земли и с этой целью сблизится с Германией. Англия опасается, что в таком случае возникнет новый европейский кризис, в который может быть втянута и она». Как в воду смотрел британский Форин Оффис. Так и случилось менее чем через два десятка лет. Но в Варшаве рождались все новые идеи, вплоть до создания «Белорусского княжества, связанного унийей с Польшей». Главным было – «энергично противодействовать всяким стремлениям белорусов к самостоятельной международной политике».

В контактах с руководством возобновленной Польши не везло не только Советам, но и правительству БНР. В протоколе съезда инструкторов польской «Стражи кресовой», который состоялся 16 и 17 сентября 1919 года в Варшаве, говорилось следующее: «Прибывший недавно в Варшаву председатель Белорусского совета г. Луцкевич хочет спасти фикцию (белорусского) государства и ведет переговоры с польским правительством. Правительство, учитывая отсутствие реальной основы у этой программы, без особой охоты ведет переговоры». Депутату сейма З. Лехницкому вторил один из основателей «Стражи кресовой» Б. Строчкий: «Суть нашей программы по восточному вопросу состоит в том, чтобы как можно больше отобрать у России и как можно дальше отодвинуть ее границы». В то же время руководители «Стражи» ощущали, что в реальности дела обстоят куда сложнее, и в аналитической записке в конце декабря 1919 года констатировали: «Если даже в Гродно и Вильно возник белорусский вопрос, то в Минске он приобрел особенно серьезное значение... Минск для белорусов является не только пунктом, к которому об-

ращены все их чаяния, но и одновременно центром, объединяющим главные силы движения, центром самой широкой белорусской пропаганды». Вновь отмечалось, что дело не в самих белорусах, а в том, «чтобы оторвать белорусов от Востока», ибо «пока не исчезнут среди белорусского населения стремления к ориентации на восток, пока не исчезнут элементы русской цивилизации... до тех пор не может быть и речи о том, чтобы Польша завоевала искренние симпатии белорусов».

В Раде БНР, которую поляки называли «Белорусским советом», после занятия Минска польскими войсками произошел раскол. Меньшая ее часть во главе с А. Луцкевичем выступала за федерацию с Польшей, а большая с В. Ластовским протестовала против польской оккупации. О том, как Польша вела переговоры с белорусской стороной, свидетельствуют и материалы конференции представителей Беларуси и польского правительства, состоявшейся в Минске 20–24 марта 1920 года:

«Декларация о защите целостности Белоруссии и обязательство решить судьбу белорусских земель согласно воле народа. ОТКЛОНЕНО.

Посылка делегации Белоруссии на мирную конференцию (в Париж. – *Прим. авт.*). ОТКЛОНЕНО.

Декларация о равноправии белорусского языка с польским. ОТКЛОНЕНО.

Декларация об автономии белорусской школы. ОТКЛОНЕНО.

Декларация о создании польско-белорусской следственной комиссии, связанной с так называемой ликвидацией большевизма. ОТКЛОНЕНО.

Декларация о создании генерального комиссариата по белорусским делам. ОТКЛОНЕНО.

Создание в Вильнолитовско-белорусского правительства. ОТКЛОНЕНО.

Объявление государственным Белорусского педагогического института в Минске с ежегодным ассигнованием ему 900 000 марок (в то время польские деньги еще назывались марками, а не злотыми. – *Прим. авт.*). ОТКЛОНЕНО.

Объявление государственным трех учебных семинарий с ежегодной субсидией 1 500 000 марок. ОТКЛОНЕНО.

То же в отношении четырех гимназий. ОТКЛОНЕНО.

Созыв Всебелорусского съезда. ОТКЛОНЕНО».

Другие пожелания были резко уменьшены. Минимальная сумма требуемых белорусами субсидий сокращена с 29 255 000 до 10 717 000 марок, причем из нее срочными были признаны только 3 609 000 марок. Весь смысл тех переговоров польская сторона сводила к тому, «чтобы заручиться поддержкой со стороны белорусов нашей позиции в отношении Советской России ценой принятия сокращенных до минимума насущных требований» БНР, исключив декларации политического характера. Польша старалась избегать любого упоминания о возможной независимости белорусских земель. На международной арене делались заявления о том, что никакого белорусского правительства нет. Военно-дипломатическая миссия БНР в Латвии, которую возглавлял Константин Езовитов, в январе 1920 года направила рижским газетам разъяснение, касающееся белорусско-польских отношений: «В латышских газетах за 4 января от имени польской миссии в Латвии сообщается, что Белорусской Народной Республики как государства не существует. Представительство Белорусской Народной Республики... объявляет, что означенное сообщение не соответствует действительности и вызвано: либо полной неосведомленностью польской миссии в делах БНР, либо явно враждебным отношением к белорусской государственности и белорусскому народу. Польские войска действительно все еще продолжают находиться на белорусской территории, но только на правах оккупационных войск...». Обращаясь к Министерству иностранных дел Франции в январе того же года, К. Езовитов писал: «С первых же шагов заверения польского правительства о полной лояльности к местному населению и сохранении всех национальных и территориальных его прав были Польской армией грубо нарушены. Тюрьмы Волковыска, Белостока, Варшавы, Кракова были переполнены белорусскими общественными и политическими работниками. Повсюду на Белоруссии вводилась польская администрация, школа, суд, язык. Все, не желающие с этим примириться, арестовывались, объявлялись большевиками... Для правительства Белорусской На-

родной Республики совершенно ясно, что правительство Польши имеет в виду изъять все руководящие белорусские национальные силы, уничтожить белорусскую культуру и затем насильственным путем присоединить... Белоруссию к Польше...». Такое же послание было направлено правительствам Великобритании, США.

В дипломатической переписке К. Езовитов убеждал своих контрагентов в том, что связь с Польшей – «искусственная, нелепая и нежизненная мера, противная белорусскому народу и не дающая Белоруссии необходимых элементов для экономического благополучия». Столь же активно протестовал и В. Ластовский. Обращаясь к правительству Польши, он писал: «Пилсудский заявлял, что польский меч несет свободу и независимость. Так признайте же Белорусскую Народную Республику». Хотя в интервью французской газете «Эко де Пари» Комендант утверждал, что «свобода земель, нами оккупированных, является для меня единственным решающим фактором... Мы на штыках несем этим несчастным землям свободу без всяких оговорок», однако эти слова были предназначены для французского уха. Как следует из составленной в Париже записки Польского национального комитета о политике в отношении восточных границ, «для интересов Польши было бы вредным существование самостоятельных, не связанных с ней малых государств, таких как Белоруссия или Украина, если это вообще возможно». В записке приводится еще один «аргумент в свою пользу»: если Польша «думает удержаться на землях бывшего Великого Княжества Литовского» и доказать, что они имеют «польский характер», «прежде всего сама Польша должна рассматривать эти территории как польские, как свои собственные».

Во втором томе «Документов и материалов по истории советско-польских отношений» содержится много фактов, рассказывающих о том, как польские оккупационные власти и их войска вели себя на белорусской земле. Вот радиограмма председателя Совнаркома Литовско-Белорусской Советской Республики В. Мицкевича-Капсукаса правительствам стран Антанты и Германии: «Повсюду... расстрелы, повешения, запирания до смерти, варварские истязания

и пытки... Еврейское население почти повсеместно истребляется; заподозренные в близости к Советской власти расстреливаются или вешаются на месте. Тюрмы переполнены, заключенные содержатся в таких условиях, что медленно умирают». Менее чем через месяц – 20 апреля – нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин написал чрезвычайному уполномоченному Министерства иностранных дел Польши А. Венцковскому о «неслыханных зверствах, чинимых польскими легионерами». Репрессии распространялись даже «на Красный

Юзеф Пилсудский в Минске.
18 сентября
1919 года

Крест и на санитарный персонал»: 6 марта, «после вступления польских легионеров в Пинск, было расстреляно несколько санитаров в госпитале № 1».

Особенно доставалось евреям. В Мицкевич-Капсукас 25 мая 1919 года сделал новое заявление: «После погромов в местечках Гродненской области... пошли погромы в Пинске (расстреляны несколько десятков ни в чем не повинных людей), потом погромы в Лиде, унесшие сотни жертв, погромы в Вильно, унесшие около двух тысяч жертв. Еврейская община города Вильно опубликовала в виленских газетах заявление: много невинных евреев из мирного населения, не имеющих абсолютно ничего общего с борьбой польских войск с большевиками, перебито без всякого следствия и суда, сотни невинных евреев без различия пола и возраста зверски избиты у себя дома или на улице, тысячи еврейских квартир разграблены, и большая часть еврейского населения совершенно разорена, тысячи невинных евреев, среди которых

немало выдающихся личностей и известных общественных деятелей, без всякого основания арестованы, избиты и посажены в разные тюрьмы, где их держали без воды и питья... То же самое делалось и в Лиде».

Во второй день июня 1919 года в советской ноте правительствам стран Антанты сообщалось, что польские войска, оставив белорусский Борисов под натиском красного Западного фронта, уже с другого берега Березины подвергли город столь уничтожающему артиллерийскому обстрелу, что в огне погибли сотни людей, а десять тысяч жителей остались без крова над головой. Г.В. Чичерин 3 июня снова направил ноту правительству Польши. В ней были такие слова: «Неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые облили кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сел...». Говоря об убийствах красноармейцев и советских служащих после захвата Вильно, Чичерин добавляет: «Но обычный репертуар репрессий все же остался бы неисчерпанным, если бы не был завершен форменным и грандиозным по размерам еврейским погромом. Город был буквально отдан солдатам на поток и разграбление. Приказ о прекращении грабежей был опубликован только 24 апреля, тогда как войска вступили в город 19 апреля; фактически же грабеж продолжался до 9 мая...».

Чичерин приводит цитату из виленской газеты «Беларуская думка», которая на восемнадцатый день после вступления польских войск в город писала: «Уже далеки от нас пушечные выстрелы, уже не слышно пулеметной перестрелки, пора уже немного успокоиться нервам, немного улечься злобе, ненависти и жажде мести. Прямо скажем: пора уже, чтобы еврей мог выйти на улицу, не боясь, что из-за его носа выпотрошат ему кишки, снимут с пальцев кольца, отнимут деньги...».

Та война могла иметь для Беларуси более печальный исход, нежели тот, что зафиксирован в Рижском договоре. Ведь в одно время Совнарком РСФСР заявлял правительству Польши о готовности уступить белорусские земли западнее Дисны, Полоцка, Борисова, Паричей – почти всю территорию нынешней Беларуси. Предлагалось

провести границу по той линии, до которой дошли польские войска. Прими Пилсудский такое предложение, могло впоследствии не стать территории, необходимой для восстановления БССР, и тогда вряд ли бы вообще появилась когда-нибудь наша страна на европейской карте. Но Комендант хотел большего. А тем временем, разбив Врангеля, Красная армия сконцентрировала свои силы против Польши. Полякам пришлось уходить, и оказалось, что «отступающие из Беларуси под напором войск Тухачевского польские части никто не провожал с сожалением», констатировал польский ученый Богдан Скарадзиньский в своей книге «Белорусы, литовцы, украинцы», изданной в Белостоке в 1990 году. Более того, удручался он, вслед легионерам звучали не только проклятия, но и выстрелы. Добавим, что только в окрестностях Слуцка действовало около тысячи партизан, в бобруйском, пинском регионах некоторые отряды насчитывали по 500–700 человек. На Минщине партизаны вели бои с частями 17-й польской дивизии, снятой с фронта, выводили из строя железнодорожные линии Минск – Вильно, Минск – Барановичи, Минск – Жлобин, Минск – Борисов.

По Рижскому договору 18 марта 1921 года, завершившему ту войну, Польша брала обязательство строго блюсти интересы национальных меньшинств. За белорусами признавалось право на самостоятельное политическое, культурное, экономическое развитие. Однако к марту 1923 года из 400 существовавших белорусских школ было закрыто 363. В 1938/1939 учебном году в Западной Беларуси оставалось всего пять польско-белорусских школ и одна гимназия. В Гродно, например, уже не было ни одной. То же произошло с белорусскими учреждениями культуры и общественными организациями.

Подводя итог пребыванию западных белорусов в польском государстве между двумя мировыми войнами, Богдан Скарадзиньский писал: «С белорусской стороны – это усиление негативного опыта и по отношению к польскому государству, и по отношению к полякам. Только отказ от собственных национальных устремлений давал им возможность построить хорошие отношения. Такой была цена сделки...». ▀

